

В. В. Нуркова, Е. А. Бодунов

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК РЕСУРС ПРЕОДОЛЕНИЯ ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА ПРИ АЛКОГОЛИЗМЕ

В статье представлено эмпирическое исследование, направленное на поддержку гипотезы о том, что опора на когнитивно-личностную систему автобиографической памяти является потенциальным ресурсом для борьбы с деструктивной трансформацией самоидентичности в условиях внутриличностного конфликта при алкоголизме. Для изучения автобиографической памяти использовалась методика «Линия жизни» у неамнестичных алкоголиков, воздерживающихся от употребления алкоголя ($n=51$). Были выявлены 3 эффекта компенсации конфликта между деструктивной мотивацией потребления алкоголя и просоциальной мотивацией поддержания субъективно приемлемого уровня самооценки за счет изменения формальных и содержательных характеристик картины прошлого: 1) повышение событийности картины прошлого, отражающее компенсаторный механизм уравнивания большого объема негативного опыта большим индексом позитивности прошлого; 2) смещение массива воспоминаний к раннему интервалу временной оси, отражающее компенсаторный механизм сохранения субъективной продолжительности событийно наполненного отрезка жизни; 3) графическая сглаженность «универсального пика» воспоминаний, отражающая неполное, поверхностное усвоение культурного жизненного сценария и являющаяся индикатором девиантной ориентации личности.

Ключевые слова: автобиографическая память, личность, пластичность памяти, методика «Линия жизни», алкоголизм, мотивационная деформация.

This paper presents empirical study supporting the hypothesis that autobiographical memory may serve as a compensation resource for destructive transformation of self-identity in terms of intrapersonal conflict in alcoholism. 51 non-amnestic alcoholics abstinent from alcohol participated in the study.

Нуркова Вероника Валерьевна — докт. психол. наук, профессор кафедры общей психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* pourkova@mail.ru

Бодунов Евгений Александрович — врач ГКУЗ МНПЦ Наркологии. *E-mail:* tyler-z@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант №12-06-33049).

Participants got a standard piece of paper with a horizontal arrow line on it with instruction to consider this line as it was representing the entire lives (Life Line), to locate the most important and memorable events around the timeline, to date the events and to indicate valance and intensity of emotion associated with each recalled event by distance from the arrow top (positive) to its bottom (negative). Three findings relevant to the goal of achievement an acceptable level of self-confidence by transformation of autobiographical memory were identified. First, there was 30% increase number of events on Life Line in comparison to healthy controls (n=92). We explained the result as compensatory mechanism balancing negative experiences of being alcoholic by positive memories to maintain positivity index close to controls. Second, there was a shift of memories to the left part of Life Line. That means that alcoholics both started and finished their Life Lines from earlier memories than controls. We refer this finding to attempt to keep a normal subjective duration of event filled part of past. Third, we found that in alcoholics there was no reminiscence bump in time distribution of memories. In our opinion, it reflects the fact of incomplete acquisition of cultural life script structure.

Key words: autobiographical memory, identity, memory plasticity, Life Line method, alcoholism, motivational distortion.

Ситуация жизненного неуспеха, серьезной болезни или социальной маргинализации ставит человека перед выбором: смириться и принять обусловленный новыми неблагоприятными обстоятельствами негативный взгляд на самого себя или попытаться сохранить позитивное самоотношение, которое впоследствии может стать источником преодоления личностного кризиса? В статье представлено исследование, свидетельствующее, что опора на когнитивно-личностную систему автобиографической памяти является потенциальным ресурсом для борьбы с деструктивной трансформацией самоидентичности и интеграции самосознания в объективно неблагоприятных условиях жизни.

1. Автобиографическая память и личность

Среди многообразного функционального репертуара *автобиографической памяти* (АП) наиболее важна функция развития и поддержания стабильности самосознания личности (Нуркова, 2004). Именно в результате оперирования с автобиографическим материалом человек формирует целостное переживание тождества своей личности во времени (самоидентичность), выделяет систему субъективно значимых индивидуально-личностных свойств (Я-концепция) и осуществляет мониторинг степени их выраженности в своей деятельности (самооценка). В зависимости от того, какая задача стоит перед субъектом (например, презентация себя в

коммуникации, поиск оптимального решения в трудной жизненной ситуации, решение задачи «на смысл» в условиях мировоззренческого выбора), происходит адресация к различным уровням организации АП — от отдельного эпизода прошлого до интегрального образа своей судьбы. Структурно-содержательные характеристики конкретной автобиографической продукции по мере восхождения к более высокому уровню организации АП (изолированные эпизоды — жизненные темы и периоды — история жизни — концепция судьбы) все более представляют ядерные структуры личности и все меньше проецируют ситуативную мотивацию (Нуркова, 2010).

1.1. Автобиографическая память как источник формирования личности. Как в содержательных, так и в структурных аспектах АП представляет собой превращенную форму специально организованных аутоэмоциональных культурных практик и в значительной степени предшествует и определяет развитие личности (Fivush et al., 2011; Nelson, Fivush, 2004). Социальная ситуация развития АП в детском и подростковом возрасте предполагает, что близкие взрослые организуют автобиографический диалог с ребенком таким образом, чтобы воплотить определенный «культурный концепт биографии», за которым стоит поощряемый в данной культурной общности тип личности (Нуркова, 2011; Habermas et al., 2010).

В результате анализа представления о своем прошлом в форме графического изображения истории жизни у студентов и их родителей в цикле наших исследований было показано, что внутрисемейная межпоколенная трансмиссия является основным источником формирования следующих параметров структуры АП: 1) общей событийной насыщенности; 2) соотношения числа позитивных и негативных воспоминаний; 3) интенсивности эмоциональной оценки позитивных воспоминаний; 4) соотношения обобщенных воспоминаний и воспоминаний о ярких конкретных эпизодах (Алюшева, 2014; Alyusheva, Nourkova, 2012). Иными словами, молодые люди заимствуют целостный формат представления о своей жизни, наполняя его индивидуальным автобиографическим материалом. Таким образом, если возрастной задачей дошкольного детства в отношении формирования АП является освоение способа фиксации единичного автобиографического воспоминания, в котором представлены культурно и внутрисемейно значимые аспекты самооценки, то в подростковом возрасте такой задачей становится интериоризация жизненного сценария, определяющего социально нормированную «модель» жизни человека, включающую проект «правильного» жизненного пути, готовность к его деятельностному воплощению и активному отстаиванию.

1.2. Личность как инстанция трансформации автобиографической памяти. По мере взросления человек достигает статуса реализации особой активности, несводимой к обеспечивающим ее психическим процессам, вследствие чего личность начинает доминировать над памятью и определять ее содержания. Взаимоотношения между АП и личностью приобретают реципрокный характер: человек мыслит себя таким, каким помнит, и параллельно трансформирует свои воспоминания в соответствии с тем, каким мыслит себя сегодня. Об этом говорит А.Н. Леонтьев: «Человек вступает в отношение к своему прошлому, которое по-разному входит в наличное для него — в память его личности. Толстой советовал: замечай, что помнишь, что не помнишь; по этим признакам узнаешь сам себя» (Леонтьев, 1975, с. 155).

Очевидно, что преобразование содержания памяти по законам смысловой организации личности требует потенциальной пластичности мнемической системы, предназначенной для фиксации, хранения и актуализации автобиографического опыта. В последние два десятилетия проблематике изучения АП было посвящено множество теоретических и эмпирических исследований, выполненных преимущественно на материале единичных воспоминаний (Нуркова, 2008; см. также обзор: Loftus, Davis, 2006). Доказано, что автобиографические воспоминания не более точны, чем другой материал памяти, однако убежденность субъекта в их истинности значительно выше. Она поддерживается особым переживанием достоверности, названным Э. Тульвингом «автоноэтическим сознанием» (Tulving, 2001), и имеет принципиальное адаптивное значение (нельзя сомневаться в том, что верно помнишь свое личное прошлое).

Координация памяти и личности является основным механизмом «обоснования себя» через автобиографическую аргументацию (*“autobiographical reasoning”* — Fivush et al., 2011) и представляет собой существенный фактор психологического благополучия (Lilgendahl, McAdams, 2011; McLean et al., 2007). Люди с высоким уровнем психологического благополучия характеризуются обширным по объему и хорошо согласованным по временным и тематическим показателям автобиографическим нарративом (Habermas, Köber, 2014). Общая позитивная оценка своего прошлого, выявленная с помощью опросника временной перспективы Ф. Зимбардо (Зимбардо, Бойд, 2010), позитивно коррелирует с проработанностью жизненных планов и перспектив. Высокий балл по данной шкале также обнаруживает положительную связь с высоким уровнем самоуважения, эмоциональной стабильностью, благодарностью, а отрицательную — с агрессивностью, застенчивостью и депрессией.

1.3. Автобиографическая память как средство поддержания продуктивного функционирования личности. Постановка проблемы исследования. Онтогенетическое развитие АП имеет следующую историю. Сначала социальная ситуация развития формирует АП с определенными свойствами. Затем, по мере наполнения фактами, АП становится субстратом построения личности. Затем личность форматирует содержание АП таким образом, чтобы оно обеспечивало поддержку текущей самоидентичности. И наконец, изменение характеристик АП выступает как средство для активного самоизменения личности. Сформировавшись в качестве высшей психической функции, АП приобретает статус психологического орудия регуляции личностных процессов.

Одно из популярных направлений современной психотерапии — нарративная психотерапия — исходит из того, что текст автобиографического нарратива организует личность его носителя. Поскольку очевидным субъектом порождения нарратива является сам человек (пусть и в сотрудничестве с психотерапевтом), порождение нарратива может рассматриваться как целенаправленное действие самосозидания личности (Нуркова, 2010б; Singer et al., 2013).

В дифференциально-психологическом исследовании нами было показано, что зрелая АП обладает потенциалом преодоления психофизиологических ограничений субъекта на уровне личностной регуляции (Василевская и др., 2011). У молодых испытуемых ведущая саморегуляционная функция АП, когда обращение к прошлому происходит преимущественно с целью управления своими психическими состояниями, связана с инактивированным типом нервной системы (что согласуется с представлением о том, что именно процессы управления активацией составляют физиологическую основу регуляции). Другими словами, у молодых людей ведущая функция АП соответствует природной предпосылке. У взрослых испытуемых, напротив, саморегуляционная функция максимально развита у тех, кто обладает активированной нервной системой.

Трансформация целостной истории жизни как инструмент адаптации личности к новому культурному контексту была обнаружена нами в полевом исследовании при сравнении историй жизни пожилых коренных горожанок и коренных сельских жительниц с историями жизни горожанок сельского происхождения, в молодости переехавших в город (Нуркова и др., 2012). Было показано, что воспоминания об отдаленных от момента рассказа периодах жизни создаются в соответствии с актуальной на сегодняшний день идентичностью и выражают ценности, которые господствуют в текущем культурном контексте. В связи с этим у горожанок сельского происхождения воспоминания о деревенском детстве воспроизводятся по «городской» модели даже с большей интенсивностью, чем у коренных

горожанок. Можно утверждать, что, наполняя свою АП «городскими» воспоминаниями, эти женщины «укореняют» целевые для них свойства личности.

К закономерному изменению личностных характеристик ведет и направленное изменение наиболее насыщенных личностным смыслом единичных воспоминаний. В экспериментальном исследовании (Нуркова, Василенко, 2013) при специально организованном воздействии в измененном состоянии сознания (по методике сенсомоторного психосинтеза В.В. Кучеренко) создавались альтернативные «самоопределяющие» воспоминания, в которых испытуемые действовали в соответствии со своим уровнем притязаний в значимой ситуации. «Имплантированные» этим методом воспоминания не только были субъективно эквивалентны сложившимся ранее реальным автобиографическим воспоминаниям, но и при отсроченном обследовании использовались для личностной саморегуляции. Следствием присвоения экспериментально сконструированных «автобиографических» воспоминаний, обеспечивающих фактологическую поддержку желаемой самоидентичности, становилось создание более сбалансированной дистанции между образами «Я-реальный» и «Я-идеальный», что вело к снижению личностной тревожности и к редукции нежелательных черт характера.

В связи с изложенными выше результатами исследований возникает вопрос: доступен ли ресурс орудийного использования АП людям с патологической деформацией мотивационной структуры личности? Может ли трансформация представления о личном прошлом стать для них центральным орудием сохранения личности, своеобразным «последним бастионом» борьбы за свою личность?

Адекватным контингентом для изучения этой проблемы, по нашему мнению, являются лица, страдающие алкоголизмом. Согласно концепции алкоголизма как мотивационной аномалии личности (Братусь, 1988), личность алкоголика представляет собой патологическую мотивационную систему с ведущей мотивацией потребления алкоголя. Однако можно предположить, что при условии достаточно позднего алкогольного дебюта новая «алкогольная» личность не полностью вытесняет собой существовавшую прежде конфигурацию мотивов, поэтому в ситуации воздержания от алкоголя должен наблюдаться феномен внутренне конфликтной личности, где противоборствуют деструктивная мотивация потребления алкоголя и просоциальная мотивация поддержания субъективно приемлемого уровня самооценки. Именно в этом случае, согласно нашей гипотезе, будет проявляться специфический симптомокомплекс формальных и содержательных характеристик автобиографической памяти, отражающий ее компенсаторный потенциал относительно мотивационного дефекта.

2. Исследования автобиографической памяти у неамнестичных алкоголиков

В связи с тем, что при свойственных алкоголизму тяжелых поражениях мнестической функции (например, при корсаковском синдроме) катастрофически разрушается вся система памяти, в свете тематики нашей работы особый интерес представляет анализ литературы об особенностях АП у неамнестичных алкоголиков. При отсутствии тотального когнитивного дефицита (конечно, с рядом оговорок) обнаруженные изменения можно отнести на счет мотивационной деформации личности при алкоголизме, что позволит глубже понять взаимосвязь между личностью и АП.

2.1. Снижение доступности воспоминаний о конкретных эпизодах прошлого у лиц с алкогольной зависимостью. В исследовании А. Д'Аржембо с коллегами (D'Argembeau et al., 2006) алкоголикам, прошедшим процедуру детоксикации в стационаре, и участникам контрольной группы предлагали вспомнить события в ответ на 10 слов-подсказок (5 позитивных и 5 негативных). Было установлено, что неамнестичные алкоголики по сравнению с контрольной группой значимо чаще воспроизводят продолжительные (например, «трехнедельные каникулы») и категориальные (суммирующие ряд событий, например «посещал концерты с детьми») и значимо реже — специфические (например, «ходил на концерт прошлым летом») воспоминания. Однако все-таки актуализированные ими в небольшом количестве специфические воспоминания не отличались от нормы по детальности и уровню погружения в автоноэзис.

Схожие данные были получены в работе К. Уитли с коллегами (Whiteley et al., 2009): в ответ на ключевые слова участники целевой группы (лица с алкогольной зависимостью) воспроизводили в среднем 51% специфических воспоминаний, а участники контрольной группы — 76%. Кроме того, воспроизведение специфических воспоминаний у лиц из целевой группы было существенно затруднено: этот тип воспоминаний актуализировался значительно медленнее, чем в контрольной группе. Таким образом, снижение доступности специфических автобиографических воспоминаний у алкоголиков можно считать достаточно устойчивым эмпирическим фактом.

2.2. Особенности временного распределения автобиографических воспоминаний у лиц с алкогольной зависимостью. В работе Дж.М. Фитцджеральд и С. Шифли-Гров в качестве ключевых слов предлагались названия 20 эмоциональных (позитивных и негативных) состояний. Эпизоды, воспроизведенные в ответ на эти слова, требовалось датировать (Fitzgerald, Shifley-Grove, 1999). Наиболее

интересные результаты состояли в том, что, во-первых, алкоголики воспроизводили значимо более ранние воспоминания (к последним 15 месяцам относились 74% воспоминаний контрольной группы и 47% воспоминаний алкоголиков), а во-вторых, наиболее ранние воспоминания алкоголики воспроизводили в ответ на позитивные слова, а испытуемые из контрольной группы — в ответ на негативные. Таким образом, наблюдался специфический для данной нозологии эффект «обеднения картины недавнего прошлого» в совокупности с повышением доступности позитивных воспоминаний о детстве. По нашим данным, у здоровых респондентов, находящихся в остром стрессовом состоянии в результате неожиданного тюремного заключения, наоборот, картина недавнего прошлого существенно расширялась (феномен «онтологизации настоящего»), а воспоминания о детстве становились практически недоступными (Нуркова, Василевская, 2003).

Дж.М. Фитцджеральд и С. Шифли-Гров обнаружили также несимметричные эффекты во взаимосвязи осознаваемых качеств личности и соответствующих этим свойствам автобиографических воспоминаний. Если в контрольной группе признание свойства, стоящего за словом-подсказкой в качестве присущего респонденту в высокой степени, было однозначно связано с быстрым и содержательно релевантным извлечением из памяти эпизода в ответ на это слово, то в группе алкоголиков такой связи обнаружено не было. Можно сказать, что у алкоголиков наблюдалось разрушение автоматической связи между самоидентичностью и поддерживающим ее корпусом ассоциативно доступных автобиографических воспоминаний.

В том же исследовании у алкоголиков был обнаружен более высокий уровень выраженности универсального эффекта «пика» воспоминаний (непропорционально большое число воспоминаний, относящихся к периоду юности и молодости) по сравнению с контрольной группой. Данный результат вступает в противоречие с положением о том, что наличие универсального «пика» в индивидуальной автобиографической продукции свидетельствует о высокой степени интериоризации культурного жизненного сценария (перечня социально желательных событий жизни человека и их временного расписания) и готовности выстраивать свою жизнь в соответствии с ним (Нуркова, 2010б; Fivush et al., 2011). Мы считаем, что этот результат объясняется суммацией эффектов универсального и индивидуального «пиков» воспоминаний. Последний представляет собой индивидуальную конфигурацию субъективных событийных сгущений, отражающую последовательность «переломных» или «самоопределяющих» воспоминаний, т.е. периодизацию личностью своих значимых изменений (Нуркова и др., 2005). Для алкоголиков

«самоопределяющим» событием, которое группирует вокруг себя другие воспоминания, является осознание у себя факта алкогольной зависимости. Это событие чаще всего относится к молодости, что и создает у исследователей иллюзию усиления универсального «пика».

Данные в поддержку предположения о специфической организующей роли воспоминаний «алкогольной» тематики у лиц, страдающих алкоголизмом, представлены в масштабной работе М. Реми с коллегами (Remy et al., 1990). В их исследовании приняли участие 119 алкоголиков, находящихся на стационарном лечении. После стандартной процедуры ассоциативного воспроизведения воспоминаний в ответ на ключевые слова и их датировки с испытуемыми проводилась беседа с целью выяснения момента осознания алкогольной зависимости. Затем для каждого респондента соотносился момент приобретения алкогольной идентичности (на оси этот момент принимался за 0) и даты иных (из предъявленных 48) важных событий прошлого. Данные обобщались и усреднялись. Для контрольной группы за точку 0 принимался тот возраст, который в алкогольной группе оказался средним возрастом дебюта алкогольного самосознания (алкогольной личности). У лиц с алкогольной зависимостью наблюдалось сгущение воспоминаний о важных событиях в годы, непосредственно предшествовавшие и следовавшие за событием, зафиксировавшим алкогольную деформацию личности в самосознании.

Таким образом, в ряде исследований были установлены следующие особенности АП при алкогольной зависимости: 1) трудность доступа к специфическим воспоминаниям о прошлом, в том числе и к тем, которые служат опорой для описания текущей самоидентичности; 2) обеднение картины недавнего прошлого в совокупности с повышением доступности позитивных воспоминаний о детстве; 3) сгущение воспоминаний вокруг «переломного» автобиографического события — факта осознания алкогольной самоидентичности.

3. Эмпирическое исследование особенностей автобиографической памяти при мотивационной деформации личности у больных алкоголизмом

Цель исследования — выявление взаимосвязи между мотивационной деформацией личности при алкоголизме и механизмами реализации личностных функций, проявляющимися в структурных и содержательных параметрах АП. Предмет исследования — целостное представление личности о своем жизненном пути в соотношении с иерархически организованной мотивационной системой.

3.1. Методика

В зарубежных исследованиях специфики АП при алкоголизме в основном используется ассоциативная методика сбора данных, при применении которой происходит адресация к элементарному способу структурирования мнемического материала, воспроизводимого путем актуализации различных ассоциативных связей. Однако, как показано нами ранее (Нуркова, 2000), механизмы организации материала в АП не сводимы только к ассоциативным законам. Мы считаем, что возможность преодолеть указанное методическое ограничение открывается при применении методики графической экспликации макроструктуры АП («Линия жизни»), что должно привести к обнаружению новых, «личностных» особенностей АП у данного контингента.

В исследовании приняли участие 143 испытуемых мужского пола, 92 из них составили контрольную группу (ср. возраст 38.9 ± 9.8). В целевую группу вошел 51 пациент (ср. возраст 41.5 ± 8.5) наркологической клинической больницы № 17 г. Москвы с диагнозом «синдром зависимости от алкоголя 2-й степени». Исследование проводилось на второй неделе пребывания больных в стационаре, когда острые проявления алкогольного абстинентного синдрома были купированы.

Процедура. Методика «Линия жизни» (стандарт интерпретации см.: Нуркова, 2010а) выполнялась испытуемыми в ходе индивидуальной беседы. Испытуемый получал лист бумаги А4 с горизонтальной стрелкой, разделяющей лист на две равные полуплоскости, и следующую инструкцию: «Представьте, что перед вами ваше прошлое от начала жизни до сегодняшнего дня. Обозначьте самые значимые, наиболее запомнившиеся события. Чем более позитивно событие, тем выше отмечайте его от центральной оси времени (поставьте точку и подпишите), а чем негативнее событие — тем ниже. На самой оси укажите, сколько вам было лет, когда это событие произошло».

3.2. Результаты и обсуждение

Средние показатели по методике «Линия жизни» в группах больных алкоголизмом (А-группа) и здоровых испытуемых (К-группа) отражены в таблице. Анализ этих различий позволил обнаружить три релевантных теме статьи эффекта особенностей структуры и содержания АП больных алкоголизмом. Рассмотрим их подробнее.

Эффект повышения событийности картины прошлого заключается в том, что вопреки предположению о неспецифической деградации автобиографической продуктивности больных алкого-

Средние показатели по методике «Линия жизни» в группах больных алкоголизмом (А-группа) и здоровых испытуемых (К-группа)

Показатель методики «Линия жизни»	А-группа	К-группа	Значимость различий по критерию Манна—Уитни (*) или Фишера (**)
Количество воспоминаний	16.3±9.7	11.6±7.6	p=0.00*
Индекс позитивные/негативные воспоминания	2.1±1.24	3.49±2.88	p=0.004*
Возраст первого воспоминания	6.7±4.7	9.1±6.6	p=0.04**
Расстояние от 0 до первого воспоминания (в см)	1.6±1.2	4.53±4.43	p=0.001*
Расстояние от последнего воспоминания до конца линии (в см)	6.03± 5.02	2.66±2.5	p=0.001*

лизмом испытуемые А-группы нанесли на «Линию жизни» в среднем на 30% больше событий, чем испытуемые К-группы (средние 16.3±9.7 против 11.6±7.6, различие значимо $U=1474.5$, $p=0.00$). Причем повышенная событийная насыщенность картины прошлого в А-группе достигается не только за счет увеличения количества негативных воспоминаний (средние 5.86±3.39 против 3.33±2.7, различие значимо $U=1260$, $p=0.00$), но и за счет увеличения количества позитивных воспоминаний (средние 10.43±7.46 против 8.27±5.56, различие значимо $U=1804$, $p=0.017$). Однако при этом не обнаружено различий между группами в уровне специфичности воспоминаний ($U=1081.500$, $p=0.888$), что расходится с описанными в обзорной части статьи данными. В обеих группах получено четырехкратное преобладание конкретных воспоминаний над обобщенными.

Данный результат может показаться парадоксальным. Однако, по нашему мнению, использованная нами методика «Линия жизни», в отличие от применяемого зарубежными коллегами обращения к содержаниям АП путем ассоциаций со стандартным набором стимульных слов, создает такую экспериментальную ситуацию, когда когнитивный дефицит преодолевается в рамках высоко мотивированной задачи, прямо относящейся к личности человека. Задача создать целостную историю своей жизни адресуется к фрустрированной и при этом крайне актуальной для лиц, страдающих алкоголизмом, мотивации сохранения представления о себе как о полноценно функционирующем человеке. В результате гипермотивации испытуемые А-группы выполняют методику как бы с «избытком» по сравнению с испытуемыми К-группы: через актуализацию большего числа воспоминаний респонденты стараются доказать

экспериментатору и самим себе, что им «есть, что вспомнить». Показательно, что 15% испытуемых А-группы (9 человек из 51) вопреки инструкции выполнили методику на двух и даже на трех листах. Например, испытуемый Р.Ж. использовал 3 листа, суммарно нанеся на «Линию жизни» 59 воспоминаний, из них 50 положительных и 9 отрицательных. Испытуемые К-группы не демонстрировали такую «избыточность»: они насыщали «Линию жизни» событиями скорее по принципу «необходимого и достаточного».

Вместе с тем при сохранении общего положительного баланса между позитивными и негативными автобиографическими воспоминаниями в обеих группах «Линии жизни» испытуемых А-группы характеризуются пониженным индексом позитивности. Соотношение числа воспоминаний, расположенных в положительной и отрицательной полуплоскостях листа, для них равно 2.1 ± 1.24 , в то время как в К-группе данный индекс составляет 3.49 ± 2.88 , что значительно различается ($U=1677.5$, $p=0.004$). Причем только у двух из 92 испытуемых К-группы число негативных воспоминаний превысило число позитивных, а в А-группе такое превышение зафиксировано у 5 испытуемых из 51. Логично предположить, что обнаруженная у лиц с алкогольной зависимостью повышенная актуализация позитивных автобиографических воспоминаний выполняет компенсаторную функцию «нейтрализации» большого числа воспоминаний о негативных событиях жизни, связанных со спецификой их заболевания (алкоголизма).

Эффект сдвига массива воспоминаний к раннему интервалу временной оси заключается в том, что испытуемые А-группы в среднем датируют первое воспоминание тремя годами раньше (средние 6.7 ± 4.7 против 9.1 ± 6.6 , различие значимо $F=4.181$, $p=0.04$) и графически отмечают его в 3 раза ближе к началу «Линии жизни» по сравнению с испытуемыми К-группы (средние 1.6 ± 1.2 против 4.53 ± 4.43 , различие значимо $U=429.5$, $p=0.001$). В К-группе не было ни одного случая включения в «Линию жизни» события, отнесенного к возрасту до 3 лет, в то время как в А-группе таких случаев было 4. Например, первое воспоминание «помню себя в больнице, болел корью» датировано возрастом 1 год и 7 месяцев, а воспоминание «рождение брата» — возрастом два с половиной года. В совокупности с этим в А-группе последнее воспоминание находится более чем в 2 раза дальше от конца линии, чем в К-группе (средние 6.03 ± 5.02 против 2.66 ± 2.5 , различие значимо $U=415.5$, $p=0.001$). Эти данные хорошо согласуются с ранее полученными результатами (Fitzgerald, Shifley-Grove, 1999).

Конечно, нет оснований считать, что раннее развитие АП является предиктором алкоголизма в будущем. Скорее, полученный эффект может быть проинтерпретирован как проявление компенсаторного механизма, направленного на сохранение необходимой для

позитивной самоидентичности субъективной продолжительности прожитой части жизни, где обеднение настоящего компенсируется за счет более ранней датировки первого воспоминания.

Эффект графической сглаженности «универсального пика» воспоминаний заключается в том, что испытуемые А-группы в два раза реже организуют временное пространство «Линии жизни» в соответствии с универсальным жизненным сценарием, чем испытуемые К-группы (34% против 68%, $\chi^2=12.398$, $p=0.04$). Таким образом, у людей с алкогольной мотивационной деформацией личности наблюдается снижение эффекта «пика» при обращении к своему жизненному пути в целом, что поддерживает приведенную выше интерпретацию контрастирующих данных, полученных при применении ассоциативной методики.

4. Заключение

Устойчивые характеристики мотивационной системы личности определяют все структурно-функциональные уровни АП, в особенности их влияние значимо при создании субъектом целостной картины своего жизненного пути. На протяжении жизненного пути человека АП закономерно изменяет свой статус относительно личности. Сначала она выступает в качестве предпосылки (субстрата) развития личности с определенными свойствами, затем принимает функцию обоснования наличной самоидентичности и на высшем этапе своего развития может выполнять роль психологического орудия (средства) для целенаправленного самоизменения личности. В ситуации продолжительной фрустрации личность способна реализовывать стратегию закономерной трансформации содержания АП для удержания позитивной самоидентичности.

На материале исследования неамнестичных алкоголиков с применением методики графической презентации истории прошлого («Линия жизни») был выявлен ряд эффектов компенсации внутриличностного конфликта за счет изменения формальных и содержательных характеристик АП. *Эффект повышения событийности картины прошлого* отражает компенсаторный механизм уравнивания большого объема негативных воспоминаний большим объемом позитивных воспоминаний для сохранения положительного индекса позитивности прошлого. *Эффект сдвига массива воспоминаний к раннему интервалу временной оси* отражает компенсаторный механизм сохранения субъективной продолжительности событийно наполненного отрезка жизни. *Эффект графической сглаженности «универсального пика» воспоминаний* отражает неполное, поверхностное усвоение культурного жизненного сценария и может рассматриваться как индикатор девиантной ориентации личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алюшева А.Р. Общекультурная и внутрисемейная трансмиссия структуры автобиографической памяти // *Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 16. Психология. Педагогика.* 2014 (в печати).

Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.

Василевская К.Н., Кабардов М.К., Нуркова В.В. Индивидуально-типологические особенности автобиографической памяти // *Психологические исследования: электрон. науч. журн.* 2011. № 2(16). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n2-16/462-vasilevskaya-kabardov-nurkova16.html#e3>

Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь / Пер. с англ. О. Гатановой. СПб.: Речь, 2010.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: УРАО, 2000.

Нуркова В.В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // *Мир психологии.* 2004. № 2. С. 77—87.

Нуркова В.В. Доверчивая память: Как информация включается в систему автобиографических знаний // *Когнитивные исследования / Под ред. В.Д. Соловьева, Т.В. Черниговской.* М.: Ин-т психологии РАН и др., 2008. С. 87—102.

Нуркова В.В. Методика «Линия жизни» как фактор формирования зоны ближайшего развития исторического аспекта самосознания личности // «Зона ближайшего развития» в теоретической и практической психологии: Мат-лы XI Междунар. чтений памяти Л.С. Выготского (Москва, 15—17 ноября 2010 г.). М.: РГГУ, 2010а. С. 88—95.

Нуркова В.В. Рассказывать о себе, рассказывать себя, рассказывать собой: автобиографический нарратив с позиций культурно-деятельностного подхода // *Развитие личности.* 2010б. № 1. С. 74—92.

Нуркова В.В. Автобиографическая память с позиций культурно-деятельностной психологии: результаты и перспективы исследования // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология.* 2011. № 1. С. 79—91.

Нуркова В.В., Василевская К.Н. Автобиографическая память в трудной жизненной ситуации // *Вопр. психологии.* 2003. № 5. С. 93—102.

Нуркова В.В., Василенко Д.А. Формирование вариативного репертуара самоопределяющих воспоминаний как средство развития самоидентичности // *Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. Сер. Психологические науки.* 2013. № 18(119). С. 11—30.

Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С. Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // *Психологические исследования: электрон. науч. журнал.* 2012. Т. 5. № 25. С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 24.02.2014).

Нуркова В.В., Митина О.В., Янченко Е.В. Автобиографическая память: «Сгущения» в субъективной картине прошлого // *Психол. журнал.* 2005. Т. 26. № 2. С. 22—32.

Alyusheva A. R., Nourkova V.V. Identity formation and autobiographical memory: Two interrelated concepts of development // World Academy of Science, Engineering and Technology. 2012. Vol. 66. P. 285—288.

D'Argembeau A., van der Linden M., Verbank P., Noel X. Autobiographical memory in non-amnesic alcohol-dependent patient // Psychological Medicine. 2006. Vol. 36. Iss. 12. P. 1707—1715.

Fitzgerald J.M., Shifley-Grove S. Memory and affect: autobiographical memory distribution and availability in normal adults and recently detoxified alcoholics // Journal of Adult Development. 1999. Vol. 6. P. 11—19.

Fivush R., Habermas T., Waters T., Zaman W. The making of autobiographical memory: Intersections of cultures, narrative and identity // Intern. Journal of Psychology. 2011. Vol. 46. P. 321—345.

Habermas T., Köber C. Autobiographical reasoning is constitutive for narrative identity: The role of the life story for personal continuity // The Oxford handbook of identity development / Ed. by K.C. McLean, M. Syed. Oxford, UK: Oxford University Press, 2014. P. 354—362.

Habermas T., Negele A., Brenneisen Mayer F. “Honey, you’re jumping about” — Mothers’ scaffolding of their children’s and adolescents’ life narration // Cognitive Development. 2010. Vol. 25. P. 339—351.

Lilgendahl J.P., McAdams D.P. Constructing stories of self-growth: How individual differences in patterns of autobiographical reasoning relate to well-being in midlife // Journal of Personality. 2011. Vol. 79. P. 391—428.

Loftus E.F., Davis D. Recovered memories // Annual Review of Clinical Psychology. 2006. Vol. 2. P. 469—498.

McLean K.C., Pasupathi M., Pals J.L. Selves creating stories creating selves // Personality and Social Psychology Review. 2007. Vol. 11. P. 262—278.

Nelson K., Fivush R. The emergence of autobiographical memory: A social cultural developmental theory // Psychological Review. 2004. Vol. 111. P. 486—511.

Remy M., Soukup-Stepan S., Tatossian A. Alcoholism and life events: Short term and long term effects. Role of social support. Factual and methodological problems // Alcohol and behavior: Basic and Clinical aspects / Ed. by H. Ollat, S. Parves, H. Parves. Utrecht, The Netherlands: VSP BV, 1990. P. 39—68.

Singer J.A., Blagov P., Berry M., Oost K.M. Self-defining memories, scripts, and the life story: Narrative identity in personality and psychotherapy // Journal of Personality. 2013. Vol. 81(6). P. 569—582.

Tulving E. Origin of auto-nosis in episodic memory // The Nature of Remembering: Essays in Honor of Robert G. Crowder / Ed. by H.L. Roediger et al. Washington, DC: American Psychological Association, 2001. P. 17—34.

Whiteley C., Wanigaratne S., Marshall J., Curran H.V. Autobiographical memory in detoxified dependent drinkers // Alcohol and Alcoholism. 2009. Vol. 44. N 4. P. 429—430.